

**Русская мысль живет... Сборник философской прозы и поэзии
памяти Дарьи Дугиной (Платоновой). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. 164 с.**

Летом 2023 года в Симферополе была опубликована книга, жанр которой обозначен как «Сборник философской прозы и поэзии памяти Дарьи Дугиной (Платоновой)». Имя этой молодой женщины, ставшей жертвой террора, который развязали украинские нацисты, все хорошо помнят, и уже одно оно вызывает повышенный интерес к изданию. Книга вышла в свет в столице Крымской республики, находящейся ныне в центре общественного внимания. Крым – это форпост противостояния бандеровщине, важнейший центр борьбы за сохранение целостности России, за право людей самим решать свою судьбу. В очередной раз Запад пытается поставить Россию на колени, и в очередной раз наша страна вынуждена военным путем отстаивать свою честь и независимость.

В сложившихся условиях осознание места России в мире, ее роли в истории человечества, специфики ее социального организма и особенностей духовной сферы общественной жизни – актуальнейшая задача наших дней. И потому всякий поиск в этом направлении заслуживает внимания и осмысления. Издание задумано и воплощено в жизнь благодаря доктору философских наук, доценту О.К. Шевченко при непосредственной помощи доктора философских наук, профессора О.А. Габриеляна. Ядро творческой группы составили крымчане, они сплотили вокруг себя интеллектуальные силы, представляющие разные города и регионы нашей Родины: Донецк, Краснодар, Липецк, Архангельск, Москву с Подмосковьем, Санкт-Петербург, Иваново, Липецк, Волгодонск.

Книга оригинальна как по замыслу, так и по исполнению. Проще всего было составить сборник научных статей по определенной проблематике и на этом, что называется, закрыть вопрос. Но в представленном публике тексте научные статьи занимают не более половины объема. Кроме научных работ, в книгу включены произведения, которые, выражаясь старомодным языком, относятся к изящной словесности: рассказы и стихи. Причем в последнем разделе читателей ждет интересный сюрприз: доктора философских наук О.К. Шевченко и О. А. Габриелян, известные как серьезные ученые, предстают перед нами также и в качестве авторов стихов, к тому же вовсе не любительских. Особо следует сказать об оформлении. Книга издана не просто хорошо, а великолепно: отличная бумага, прекрасное оформление, продуманный дизайн обложки – словом, произведение библиографического искусства, которое приятно взять в руки.

Лейтмотивом всей книги выступает любовь к Родине, патриотизм. Именно патриотическая идея объединила усилия разных авторов, соединив невидимыми узами людей, проживающих за многие тысячи километров друг от друга.

Как совершенно справедливо подчеркивает в предисловии к книге глава Республики Крым С.В. Аксенов, развязанная против России война — это, прежде всего, «война идей и смыслов» (с. 5). Бандеровщина, как и любая другая разновидность фашизма, основана на идее природного превосходства одной нации над другими. Этой идее противостоит идея равного достоинства всех людей, независимо от расовой, культурной, национальной принадлежности, как и от отношения к религии. И именно

за утверждение общедемократических идеалов гуманизма, за искоренение нацистской идеологии и борется сейчас Россия.

Мысли С.В. Аксенова развивает и отчасти конкретизирует в своем кратком выступлении председатель Государственного совета Республики Крым В.А. Константинов. Он отмечает, что русский мир ни в коем случае не противостоит китайскому, японскому или латиноамериканскому мироустройству. Русский мир представляет собой особый цивилизационный тип, сложившийся в конкретных исторических обстоятельствах и отвечающий коренным интересам входящих в него народов. Запад – продукт иных обстоятельств и иного исторического опыта, и по этой причине он не может быть для России образцом, к которому следует стремиться. Не деление наций на «высших» и «низших», не копирование чужих моделей, а реализация собственного цивилизационного проекта в плодотворном и равноправном взаимодействии со всеми народами – такова задача, стоящая перед нашим обществом. Главные помехи на этом пути – национальное чванство и комплекс национальной неполноценности. Мы должны избегать обеих крайностей. Очень важно, что В.А. Константинов не считает существующий порядок вещей завершенным воплощением русского мира, а намечает конкретные контуры перемен, которые должны последовать после победы в СВО. «...Для построения своего Русского мира, – заявляет автор, – нужно широкое представительство народа: партийное, депутатское, общественное – все должны быть вовлечены в реализацию этой идеи. Все это должно быть вовлечено в процесс, который можно назвать Русским собором» (с. 8) (Орфография источника – Р.Л.). И далее: «Нужно простому человеку, человеку труда дать полную свободу действий, помочь полностью раскрыть его потенциал» (с. 9). Что, кроме аплодисментов, могут вызвать эти слова? Дело за малым: воплотить их в действительность.

В книге напечатано пространное интервью с епископом Нестором (Николаем Николаевичем Доненко). В частности, священнику был задан животрепещущий вопрос о едином учебнике отечественной истории. На это был получен вполне конкретный ответ: «Вменяемый учебник для нашей школы необходим. Без воссоздания целостного образа России ее священная история просядет и распадется на части, которые потом будут преданы забвению, как нечто маловажное, не стоящее внимания» (с. 17). Против этого тезиса трудно что-либо возразить. Но далее заявлено буквально следующее: «...Важно сохранить целостный образ неразрывного исторического развития России, его высший смысл и Божественное предназначение. Факт – ничто, интерпретация – всё. И наша интерпретация должна быть святоотеческой. Факты из своего прошлого мы должны видеть в свете Евангельской правды» (с. 17). Заявление, на наш взгляд, довольно дискуссионное. Если факты – ничто, то историческая наука может с ними не считаться? Чем тогда бандеровская версия истории Украины хуже других? Это вопрос первый. И второй: а как быть тем, кто верует не в Иисуса, а в Аллаха? Или является буддистом? Как должны в таком случае чувствовать себя атеисты? Сила русского мира, как мы ее понимаем, – не в навязывании единой точки зрения, а в уважении к разным идейным позициям и традициям. Всякое уклонение от такого принципиального подхода сеет рознь и вражду между гражданами нашей страны.

Видный российский ученый доктор философских наук Ф.В. Лазарев в концептуальной статье «Восстание русского духа: новая глава всемирной истории» стремится раскрыть специфику русского мира, проанализировать особенности исторического момента. Автор использует при этом цивилизационную методологию в варианте Н.Я. Данилевского. Он противопоставляет Россию и Запад по разным основаниям, но в первую очередь по линии «коллективизм – индивидуализм». «Истоки русской мудрости, – пишет он, – в той общинной форме существования, когда нет другого способа выжить человеку среди бескрайних степей и лесов, как держаться вместе, объединяться в общину, выстраивать своё ежедневное бытие на базе родового сознания» (с. 22). Ну, а «ментальность европейского человека веками формировалась на базе приоритета индивидуального начала» (с. 22). Индивидуалистическая жизненная установка, согласно Ф.В. Лазареву, «ведёт в конечном счёте к деградации и человека, и общества» (с. 23). И одним из проявлений этой деградации явилось возникновение общества, основанного на погоне за прибылью, т.е. капитализма. Но в таком случае возникает закономерный вопрос о том, как квалифицировать общественный строй, что реально существовал и существует в России? Ф.В. Лазарев – отдадим ему должное – от этого вопроса не уклоняется и даёт на него следующий ответ: «...Ни в эпоху монархической России, ни в эпоху советской власти, ни в постсоветский период капитализм не прижился у нас в подлинном смысле этого слова» (с. 25). Насчет «эпохи советской власти» спорить не приходится. А как быть с современной эпохой? Миллиардеры у нас есть, причем в немалом количестве, а вот капитализм «не прижился». Правда, не вообще капитализм, а капитализм «в подлинном смысле слова». Ну, если так, то это в корне меняет дело. В России, надо полагать, особый, коллективистский, капитализм. Однако, как отмечает автор, «рыночная экономика» привела к широкому распространению потребительской психологии. И по этой причине «с ролью потребительской системы ценностей в жизни страны нам еще предстоит внимательно разбираться» (с. 33). И далее: «...Здесь нужна серьезная духовно-нравственная реформа. Необходимо привести стихийно функционирующую и разнородную сферу ценностей в соответствие со сложившимся веками цивилизационным кодом. Последний тесно связан с тем, что мы называем Русским миром, соединяющим в себе вековые традиции, духовный опыт народов нашей страны и культурный потенциал обновления на ближайшую перспективу» (с. 33). (Орфография источника – Р.Л.) В общем, необходимо поменять общественное сознание, а уж общественное бытие вслед за этим изменится само собой. Да иначе в обществе и не бывает, не правда ли? Со столь неординарным способом понимания сущности жизнеустройства, сложившегося в нашей стране после ее «возвращения в лоно мировой цивилизации», а также трактовкой путей его развития коррелирует не менее оригинальный вывод автора о том, что Россия одержала победу в холодной войне. Правда, «мы победили не силой оружия, а силой морального духа» (с. 31). Но это, как подчеркивает Ф.В. Лазарев, вовсе не отменяет необходимости победить неофашизм силой оружия на поле боя. И в этом последнем пункте с автором нельзя не согласиться.

С тем, что Россия не имеет права потерпеть поражение в СВО, солидарен и доктор философских наук, профессор Д.Е. Муза. Он пишет: «...Для России решить «пробле-

му Украины» означает ничто иное, как: а) приобретение подлинного суверенитета; б) возвращение исконно русских территорий; в) восстановление единства разделенного русского народа. Кроме того, «выдавливание» США, ЕС и НАТО к их рубежам образца начала 90-х. Но само решение этой проблемы в обязательном порядке предполагает военную и духовную победы. Причем вторая из них первична» (с. 39). (Орфография источника – Р. Л.) По правде говоря, последнее положение несколько озадачивает. У нашей страны есть огромный опыт борьбы с фашизмом. Советские солдаты в мае 1945 года водрузили знамя Победы над рейхстагом и тем самым доказали всему миру моральное превосходство идеологии интернационализма над нацистскими бреднями о биологическом превосходстве одних народов над другими. Не было бы разгрома гитлеровских полчищ на поля боя, не было бы и такого доказательства. И в реальном мире по-другому никак. Тот, кто с нами не согласен, пусть заглянет в интернет, в его украинский сегмент. В нем – сплошной дикий визг по поводу убогих, тупых, подлых, бездарных, ленивых и трусливых «орков», «лаптенюгов», «козломордых», «ваты», «русни», «колорадов» и т.п. И только военная победа в СВО способна привести всех этих идеологов и проповедников хуторского нацизма, всех этих новоявленных «сверхчеловеков» в чувство.

Попытка понять специфику русского мира предпринята также А.В. Макушиным. Его он трактует как «особую, многонациональную, многокультурную общность, сверхэтнос, отдельную цивилизацию» (с. 40) и стремится выявить объективные исторические причины, которые привели к такому результату. В чем специфика (особость) этой общности? Первое и очевидное ее качество – коллективизм. Он сформировался не как следствие свободного выбора, а под давлением реальных обстоятельств, прежде всего суровости природных условий и необходимости противостоять внешней агрессии при отсутствии природных преград в виде гор и морей (с. 40–41). Коллективизм способствовал развитию в русском человеке таких качеств, как готовность к самопожертвованию ради общего дела. Он же выработал особый тип отношения народа к власти: простые люди были готовы терпеть беды и притеснения со стороны власти опять-таки ради общего успеха. Но если власть уклонялась от служения народу, вспыхивали бунты и восстания. Подытоживая свои размышления, автор пишет: «...Мы, Русские, – это спокойные, взвешивающие многое, замкнутые и душевные люди, уважающие себя и других, принимающие власть, но не господство, строящие и служащие своему государству не за страх, а за совесть, творцы и созидатели. Мечтатели. Но требующие справедливости и готовые жестоко спросить при её отсутствии. И наш мир, «Русский мир», будет сохранять то, что делает человека – человеком. Мораль, культуру, ответственность за свои поступки» (с. 46). (Орфография источника – Р.Л.) Приятно, конечно, чувствовать свою приобщенность к столь замечательному социуму, но кое-что в этой характеристике нас смущает. Так, зачем писать слово «русские» с заглавной буквы? Нарушая, кстати, правила русской орфографии. Подобаает ли уважающей себя нации такая нескромность, граничащая с шовинизмом? Есть и другой вопрос: а другие «миры» чем хуже? По нашему глубокому убеждению, нельзя переходить грань, отделяющую национальную гордость от национальной спеси. Кроме того, само понятие русского мира должно быть увязано с

проблемой национальных фобий. Идеиное острие данного понятия – протест против возвеличивания одних наций за счет других, категорическое неприятие национального чванства в любой его форме. Русские действительно – не этническая, а сверхнациональная общность, которая начала формироваться в рамках Советского Союза. В этом нет ничего уникального, выпадающего из общей логики мировой эволюции. Так, в Западной Европе сформировалась общность западноевропейцев, в Латинской Америке – латиноамериканская общность. Процесс интеграции народов в новую общность далеко не завершился; в результате контрреволюционного переворота 1991–1993 гг. началась системная деградация советского сверхэтнуса. В таком понимании русский мир в его современном виде – это определенный этап в развитии советского народа. И деградационные тенденции, следовательно, неизбежно принимают форму русофобии. Они имеют место во всех частях некогда единого советского целого, но наиболее ярко и выпукло проявились именно в бандеровщине. Противостояние русского мира и украиноцизма это противостояние универсалистского типа мироустройства и стадного нарциссизма. Если русский мир основан на идее равенства всех людей независимо от национальной принадлежности, то нацизм в любой его разновидности исходит из убеждения в превосходстве одной нации над всеми прочими, «настоящих» людей над человекоподобными «особями».

Принципиально иного понимания русского мира придерживаются доктор филологических наук, профессор В.П. Океанский и доктор культурологии, профессор Ж.Л. Океанская. Вот их видение проблемы: «...Русский мир в своём большом времени уже прошёл последовательно через византийский и фаустовский гипертренды культурно-цивилизационного формирования, в совокупности раскрывающие экзистенциальную диалектику Божественного и человеческого, которая архетипически заложена в Никейской христологической догматике и более обширном риторико-классическом наследии Античности, уходящем своими криптокорнями в символическое миропонимание и дориторические мифоосновы» (с. 50). Честно признаемся, что нам не известно, в чем состоит «экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого», и оттого не понятно, как из двенадцати символов веры, которые были приняты в IV веке нашей эры на Никейском, а потом и на Константинопольском Вселенском соборе христианских церквей, эта диалектика «архетипически» вытекает. Авторам явно ближе дар божественных видений, чем жар холодных числ. Ну, а в науке принято оперировать утверждениями, которые поддаются верификации. Необходимо заниматься конкретным анализом условий, в которых формировался русский этнос, выявлением объективных причин его перерастания в советское время в суперэтнос, а не погружаться в «неисследимую глубину Божественной Плеромы» (с. 47).

Конечно, среди читателей книги найдутся и поклонники философствования в религиозно-мистическом ключе, но мы к их числу не относимся. Однако сквозь мистический туман, в который погружают читателей уважаемые профессора, идейно-политическая тенденция все-таки иногда проступает. Так, петровские реформы и революция, совершенная под руководством большевиков, названы в статье Голгофой (с. 51). Иначе говоря, преобразования, которые привели к ликвидации отставания России от передовых стран

Запада, а – в советский период – и к мощному экономическому, техническому, культурному взлету, это, по версии авторов, – катастрофы. Не может не обратить на себя внимание и следующий факт. Имя Ивана Ильина упомянуто в статье неоднократно, и всякий раз с явным пиететом (с. 49, 51). Его труды широко известны. Не станем скрывать: мы относимся к этому пламенному реакционеру, к этому красноречивому адвокату нацизма сугубо отрицательно. С нашей точки зрения (и не только с нашей) Иван Ильин и Степан Бандера – идеологические близнецы.

В.П. Океанский и Ж.Л. Океанская, стремясь подкрепить свою позицию, указывают на тот факт, что В.В. Путин неоднократно публично ссылался на Ивана Ильина (с. 49). Но такого рода аргументация работает не на позицию авторов, а против нее. Обычно такой прием свидетельствует о том, что перед нами не научное исследование, а апологетика. Мы убеждены в том, что попытка использовать труды И.А. Ильина в созидательных целях контрпродуктивна.

Внимание читателя привлечет также статья доктора философских наук М.К. Трифоновой, посвященная мифологии древних славян. Статья написана живо, интересно, увлекательно и с несомненным литературным блеском. Тут, правда, есть только одна проблема: достоверных фактов о мифологии древних славян известно очень мало. По этой причине дефицит реальных знаний приходится восполнять догадками и предположениями, граничащими с фантазией. Автор демонстрирует богатейшее творческое воображение: разве это не повод для восхищения?

Доктор философских наук Д.В. Гарбузов представил на суд публики эссе в форме отдельных заметок, посвященных в основном теме специфики современного российского общества. Вот одна из его сентенций: «СССР – первая модель глобалистского транссоциального общества. Его символический обмен был основан на идеологически обоснованном прямом насилии. Это культурный архаизм. Современный либеральный демократизм – это вторая модель глобализма. Его символический обмен основан не на прямом насилии, а на использовании универсального эквивалента, на который обменивается все существующее» (с. 67). В этом высказывании заслуживает одобрения то, что советское общество трактуется не в каких-то мистических категориях, а вполне рационально, как определенный исторический феномен, как одна из форм наднациональной интеграции. С этим подходом невозможно не согласиться. Но вот утверждение, что советский проект связан с насилием, а либеральный – нет, вызывает возражения. Исторический опыт показывает, что невидимая рука рынка не работает «без хорошо видимого всем кулака» (Г.А. Зюганов). Бомбежки Югославии, военный разгром Ирака, уничтожение Ливии – вот только наиболее заметные вехи «использования универсального эквивалента» в рамках либерального глобализационного проекта. В своих целях Запад, конечно, активно применяет золото. Но не пренебрегает и булатом, когда золото не позволяет достичь цели.

Исключительно оригинальны наблюдения автора, касающиеся современной украинской политической элиты, которую он называет «труппой бродячих артистов, сколоченной из банды профессиональных шулеров» (с. 74). Эта труппа заигралась, превратив театральное, как ей казалось, действие в трагедию народа. Меткое замечание, которое

отражает еще одну грань катастрофы, постигшей Украину. Но если ограничиваться культурологическими коннотациями и не обращаться к социально-классовым причинам произошедшего, невозможно понять, кто же был подлинным творцом трагедии. И так по каждому суждению Д.В. Гарбузова: они свидетельствуют о наблюдательности автора, умении схватывать какие-то реальные стороны предмета, но ни с одним его высказыванием невозможно согласиться на сто процентов.

В небольшой заметке Т.А. Мищенко, озаглавленной «Русская мысль в архитектуре» показано, как этапы русской истории запечатлены в архитектурных памятниках, как в них отразилась духовная жизнь русского народа, как эта жизнь менялась. Любопытные наблюдения, принадлежащие человеку, прекрасно знающему свой предмет.

О.А. Габриелян посвятил свое эссе истории становления Крыма как части русского мира. Основная мысль автора состоит в том, что российский социум издревле формировался в качестве образования наднационального. Вот его суждение на этот счет: «Крым – Вавилон языков, но он избежал его печальной участи – разрушения. Здесь веками шел поиск диалога. Каждый успех взаимопонимания ложился в фундамент общего дома. Смешать языки, сравнить народы – цель недругов. Сотни лет народы этой земли говорят друг с другом на русском» (с. 82). И это взаимное тяготение народов, это стремление жить вместе, не противопоставляя себя другим народам, проходит через всю новейшую историю населения полуострова. И потому нет ничего удивительного в том, что народы Крыма, когда они оказались перед угрозой разрушения сложившейся симфонии, предпочли убежать от «неньки», где восторжествовал пещерный нацизм. Крымчане спаслись от принудительной украинизации, не допустили, как и полагается в демократически организованном обществе, никакой дискриминации по языковому и любому иному признаку, сохранив себя в качестве части русского мира. И тем самым защитив право чтить своих героев, тех, что освободили родную землю от немецких поработителей. Киевская хунта насадила повсеместно культ нацистского прихвостня Бандеры, а крымчане, сделав свой выбор в пользу России, избежали идеологического насилия. Как верно пишет О.А. Габриелян, «Государство (российское – Р.Л.) вернуло народу утраченное достоинство победителей» (с. 83).

Размышлениям О.А. Габриеляна созвучны обобщения доктора культурологии М.А. Дударевой: «Крым для современной России стал ее национальной идеей. Он ее сакральный источник одухотворения и вдохновения. Крымом она объединилась в едином порыве вернуть и отстоять этот берег. Крым, ставший последним рубежом раскола и великого исхода русских после братоубийственной гражданской войны, становится символом примирения. Крымом Россия возвращает себе достоинство и самоуважение» (с. 89).

Эссе кандидата философских наук Д.Д. Романова посвящено относительно узкой теме – творчеству Александра Блока. Методологически оно направлено против позитивизма. Автор стремится отвести от себя возможные обвинения в «мистической метафизике стихий и метафорике поэтических структур» (с. 97), высказывая (довольно сложные для восприятия) суждения о творчестве великого поэта, а если говорить конкретно, то о разработке А. Блоком темы Вечной Женственности, Матери-Сырой Земли, воды и огня.

Завершается эссе следующей сентенцией: «Нет, дело не в воде. И даже не в земле, хотя физически все это ценно и важно. Дело в том, что начало – Родины ли, жизни ли, песни – это всегда надежда на продолжение, и на обретение своей полноты. Предтеча выходит из воды, идет навстречу огню. Чтобы указать всем племенам и народам на свет. И то, что мы сберегли в «горючих срубах» – капля за каплей, долго запрягая, медленно сползая с печи, – несем теперь, как вырванное сердце света над болотами» (с. 97). Согласитесь, никакой «мистической метафизики стихий» и «метафорики поэтических структур» в этих словах нет, все ясно и понятно, особенно «вырванное сердце света над болотами».

Далее следует небольшой по объему материал Е.Н. Коробкиной, которая представлена как «поэт, эссеист, основатель новых научных направлений «Фаэзия» и «Хоротопия»». (Кстати, кто знает, что это такое?) Не имеющий ученой степени основатель двух научных направлений поделилась с нами своими суждениями о творчестве Н.Я. Данилевского и Велимира Хлебникова. Согласно ее концепции, эти авторы являются носителями «кодов русской цивилизации». В чем указанные «коды» состоят? Должны признаться, что этого из изложения нам понять не удалось, но ясно что на формирование указанных кодов оказало влияние автохтонное языческое наследие, византийство, туранская традиция. Прозрения Н.Я. Данилевского позволили ему разглядеть «творческую историческую силу становления славянского культурно-исторического типа, обусловившего появление новых национальных сил у тюркских и финно-угорских народов, населяющих Россию» (с. 99). Что касается Велимира Хлебникова, то у него «находит развитие идея «всеславянской федерации» Данилевского» (с. 100). Поскольку Хлебников, в отличие от Данилевского, поэт, то «евразийские коды в его творчестве явлены непосредственно в образах и идеях» (с. 100).

Статья кандидата филологических наук С.С. Царегородцевой посвящена процессу демонтажа советской литературы в современной России. Поскольку главная задача курса литературы в средней школе – воспитание подрастающего поколения, постольку отбор литературных произведений для изучения диктуется теми моральными императивами, которые господствуют в конкретном обществе. Ценности коллективизма, бескорыстия, жертвенного служения общественному долгу, целомудрия и т.п., прославляемые советской литературой, не вписываются в систему духовных координат капиталистического общества. И потому в нашей стране был произведен «демонтаж советской литературы». Из школьной и вузовской программы изъяли такие произведения, как «Молодая гвардия» и «Разгром» А. Фадеева, очерк «В.И. Ленин» М. Горького, роман «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Чайка» Н. Бирюкова, «Сын артиллериста» К. Симонова (с. 101). Был снижен уровень требований к знанию классических произведений М. Горького. Такая же участь постигла ряд произведений таких значительных авторов, как В. Быков, Б. Васильев, А. Твардовский, В. Распутин (с. 101). «А осталось ли хотя бы одно произведение о Ленине в новых учебниках?» – задает резонный вопрос С.С. Царегородцева. И отвечает: «Конечно, не осталось. Современные дети пишут о Ленине абсурдные сочинения, которые распространяются в Интернете как некий юмор. Но смешно ли это?» (с. 102). И автор очень к месту замечает: «...За антисоветизмом кроется

русофобия» (с. 102). Этот тезис иллюстрируется на конкретных примерах истории Крыма. Можно добавить к словам С.С. Царегородцевой, что приход нацистов на Украине сопровождался повсеместным сносом памятников Ленину. Ненавистники Ленина в изобилии имеются и в Казахстане, что не предвещает ничего хорошего для жителей этой страны. «Являются ли современная отечественная литература и особенно СМИ свободными от идеологии?» – спрашивает С.С. Царегородцева (с. 104). И дает на него ясный и конкретный ответ: «Мы сами вычеркнули из «героев» русской литературы молодогвардейцев, Павку Корчагина, Василия Тёркина, Тимура с его командой и получили новое инфантильное поколение, которое воспитано на ценностях общества потребления» (с. 104). Статья завершается оптимистическим аккордом: «Современная литература после демонтажа соцреализма «переболела» постмодернизмом с его всё уничтожающей иронией и сейчас переживает поворот к метамодернизму и «новой искренности», отвергающих иронию и принимающих парадигму, в которой доминирует этическое начало, связанное с поиском подлинных ценностей. Новые культурные поиски порождают новые смыслы и дают надежду на противостояние пост-правде и «возвращение» лучших произведений советской литературы к современному читателю» (с. 104).

Магистр культурологии О.М. Пипия делится опытом организации идейного отпора влиянию деструктивных идеологий. «Нам надо осознать значимость нашего культурного потенциала, – пишет он, – и не только его отстаивать в межкультурной схватке, но и предлагать миру нравственную перспективу» (с. 106). И добавляет: «И здесь России действительно есть что предложить. Например, идею справедливости в ее многообразном измерении как в социальных, так и международных отношениях. Россия может и должна стать оплотом экологии человека и культуры, которым угрожают псевдоценности, навязываемые Западом всему миру. Речь идет об ЛГБТизме, демократизме, ультрафеминизме, черном расизме, отрицании истории и корней. Это новая форма колониализма, но уже в духовной сфере – порабощение умов» (с. 106). Мы тоже против «ЛГБТизма» и за социальную справедливость. Вопрос только в том, как последнюю трактовать. Ведь то, что справедливо с точки зрения Абрамовича, совсем не выглядит таким с позиций простого профессора. И в этом плане Россия ничем не лучше и не хуже любой другой капиталистической страны.

Далее в альманахе следует раздел «Проза». Он начинается материалом Ю.В. Гомоюнова «Я русский», посвященным памяти Дарьи Дугиной. После ряда мастерски описанных эпизодов следует вывод: «Способность к самопожертвованию – это удивительно русская черта. Она присуща многим народам, но в нас она выражена наиболее ярко» (с. 110). Другая такая черта – готовность бороться со злом. «Уже много тысячелетий, – пишет автор, – на земле существуют два фронта: фронт правды и фронт лжи. И фронт правды в настоящее время проходит по территории современной России. Мы, как и древние титаны, всё время ищем правду, и, как они же, постоянно ловимся на лжи» (с. 111). Картина, конечно, грандиозная, даже фантазмагорическая, но очень уж абстрактная. И с явным оттенком манихейства. Как поэтический образ хороша, но для анализа реальных тенденций непригодна. Вот еще одно характерное высказывание автора: «Мы

живём так потому, что по-другому не можем и не хотим. Стремление к правде записано в нашем генетическом коде и за неё мы можем пожертвовать всем, чем угодно, потому что мы такие. И другими быть не хотим. Такими нас создал Бог. И мы не можем поступать по-другому, иначе перестанем быть русскими» (с. 111). (Пунктуация источника – Р.Л.) Так русский национальный характер в генетическом коде записан или самим Богом установлен? Это же *принципиально разные* объяснения. Но какое бы объяснение мы ни приняли, получается, что заслуги русских в том, что они такие негибкие борцы за правду, нет. Дальнейшие рассуждения позволяют прояснить позицию автора. Процитируем их: «У Единого Бога есть планы на каждый народ, и, если он в кого-то вложил воинский дух, а в кого-то торгашеский, значит, так нужно. У каждого народа, как и в оркестре, в руках свой инструмент» (с. 111). (Орфография и пунктуация источника – Р.Л.) Автор явно не видит ловушки, в которую заводит такая логика. Так, базовая идея украинских нацистов состоит в утверждении, что русские по своей природе рабы. А вот они, ширые украинцы, все такие свободолюбивые и независимые. Такими их сотворил Бог. (Или природа – суть дела от этого не меняется.) Мораль: при описании такой тонкой материи, как национальный характер, нужно сохранять способность к холодному анализу, а не идти на поводу у эмоций.

Еще одна особенность русского национального характера, выделяемая автором, – вселенская отзывчивость. Вот в таких словах он свою мысль передает: «Быть русским – это значит быть всем. Среди русских никогда не приживалась идея о некоей собственной избранности, исключительности, потому что где-то подспудно было глубокое ощущение, что всё едино, что всё это есть Бог» (с. 112). Быть может, дело все-таки не в боге, а в конкретных условиях формирования русского общества? Русские мужики, осваивающие восточные окраины империи, не столь уж сильно отличались от коренных жителей Сибири и Дальнего Востока. Откуда у этих мужиков могла взяться аристократическая спесь, что была свойственна английским завоевателям Индии?

Для более полного представления позиции автора процитируем еще одно его высказывание. «Мы такие, какие мы есть, и не хотим быть другими. Быть русским – это значит хранить равновесие в мире. Эта миссия возложена на нас самим Богом. А для этого нужно жить правдой, быть способным к самопожертвованию и понимать всех, как себя. Не устанавливать дистанцию между собой и другими народами. Пока мы такие, какие мы есть, – Земля в безопасности. Миру быть. Умрёт русский народ, умрёт и Земля. Со смертью русского – в неэтническом понимании этого слова – нарушится равновесие в мире. А там, где нет равновесия, нет и жизни» (с. 113). Да, по всему чувствуется, что автор – поэт. И такое скучное занятие, как конкретный анализ объективных условий формирования русского сверхэтноса, – явно не его стихия.

Творчество доктора философских наук, доцента О.К. Шевченко представлено в разделе прозы поэтическим очерком «Свет во тьме». Именно так. Внешний слой текста – проза, но внутренний его строй – поэзия. Неблагодарное дело – пересказывать содержание стихов, да это и мало что дает для понимания сути произведения. Автор блестяще владеет литературной техникой, выстраивает сложную систему аллегорий и

метафор, применяет приемы, характерные для литературы в жанре фэнтези, чтобы довести до сознания читателя мысль о том, что культура неотрывна от родной почвы, что нет ценности выше Родины.

В альманахе помещены также рассказы И.Д. Гуревича «Верблюд и дружба народов» и «Анонимная подпись». В первом повествуется о том, как в казахстанской степи случай свел казаха, грузина и украинца. Им не пришлось долго искать общий язык. И в прямом, и в переносном смысле. У каждого из них были деды, воевавшие в Великой Отечественной войне. Естественно, не обошлось при общении и без употребления напитков известного рода. Участники спонтанного пира прониклись друг к другу искренней симпатией, не омрачаемой никакими разногласиями. Добродушный юмор автора не может не тронуть читателя. Рассказ хорош тем, что показывает: дружба народов в Советском Союзе – вовсе не пропагандистская выдумка, а живая реальность. К сожалению, благоприятное впечатление, производимое первым рассказом, оказывается смазанным, когда читатель доходит до рассказа «Анонимная подпись». Сюжет его тоже прост: молодой следователь КГБ обнаруживает на стене надпись «Смерть КПСС» и докладывает о происшествии по инстанции. При этом он делает тщательную зарисовку надписи. В фотоаппарате, который использовался для изготовления соответствующей фотографии, случайно не оказывается пленки. Для отчета о происшествии эта фотография, однако, необходима. Следователь возвращается к месту, где была оставлена злополучная надпись, и обнаруживает, что ее успели забелить. Тогда он, проявив смекалку, сам делает искусную копию надписи, а потом ее фотографирует. Положение спасено. Юмор здесь в том, что правоверный коммунист вынужден собственной рукой выводить антикоммунистическую надпись. Вам, читатель, смешно? Мне не очень.

И если публикация первого рассказа в альманахе понятна и объяснима, то по какой причине редакция поместила второй рассказ? Как он работает на сверхзадачу книги?

Нелегко объяснить и причины, по которым в альманахе включен рассказ В.В. Попова «Не бойся, я с тобой». Сюжет в рассказе отсутствует, интриги нет. Есть очень о-о-чень неторопливое, на грани занудства, повествование о последних днях жизни старого человека в каком-то умирающем северном селе. Таких сел в современной России – многие-многие тысячи. И не только на Севере, но и на Дальнем Востоке, и в центральной части страны. Беспощадный ход прогресса. Урбанизация. Да, все это имеет место в современной России, но в какой мере данный феномен выражает суть именно русского мира?

Рассказ А.А. Пономарева «Родинка», напротив, остросюжетен. В советское время подружились два парня – русский и чеченец. Во время чеченской войны их судьбы случайно пересеклись. Чеченец обнаружил раненого русского и обязан был, повинувшись воинскому долгу, его добить. Однако чеченец сделал вид, что ничего не заметил. Что тут скажешь? Трагическая диалектика войны.

Немалое эстетическое наслаждение читатель получит, читая остроумную пародию уже упоминавшегося кандидата философских наук Д.Д. Романова, озаглавленную «Слишком человеческое». Автор ядовито высмеивает псевдофилософскую прозу, которую ныне с исключительной назойливостью навязывают нам современные Ля-

писы-Трубцекие. Вот совершенно шедевральный пассаж: «Тусклая железнодорожная ртуть стекала в дымную зарю. Та багряной ватой объяла горы новостроек. Бетонные волны мерцали, смывая с неба все до единой звезды» (с. 143). Златоуст! Куда там незадачливому Гавриле с его «волнами, которые стремительным домкратом переваливались через мол»! Мерцание бетонных волн, смывающих с неба звезды, – вот современный эталон косноязычного краснобайства. Впрочем, это не предел. А как свежо и незатерто выглядит в исполнении Д.Д. Романова портрет главных героев! Цитирую: «Они были совсем разные. Он – крепкий высокий детина с лицом боксёра, но очень улыбчивый, со вкусом к простым радостям жизни. Она – хипстер эрудит с выбритым виском и шрамом на нём, крашеной косичкой, всегда в авторских платьях, холодным низким голосом била меткой иронией. Огромные зеленые глаза казались ещё шире от татуажа взведенных бровей» (с. 143). «С лицом боксера, но очень улыбчивый» – да, умеет Д.Д. Романов сказать так, что мыслям тесно, а словам просторно. И насчет выбритого виска и шрама на нем тоже очень неплохо. Только вот следовало бы уточнить: правого или левого виска. А то получается, что у дамы, которая является хипстером и по совместительству эрудитом, всего один висок. Истинному эстету немалое наслаждение способен доставить и «татуаж взведенных бровей». Впрочем, ничуть не меньшее удовольствие можно получить и от того, как описывает автор взаимоотношения героев: «Для него Рая была безупречна. В ней он (Слава, обладатель улыбчивого боксерского лица – Р.Л.) видел венценосность человеческой природы, в торжестве которой и природные слабости обращались в достоинства» (с. 143). Конечно, придется поломать голову над тем, что такое «венценосность человеческой природы», а также уразуметь, что именно торжествует: венценосность природы или сама природа. Немало интеллектуальных усилий требуются и для того, чтобы разобраться, каким образом означенная венценосность природы (или природа – на выбор) обращает природные слабости в достоинства. Автор блестяще высмеивает тех, кто хочет сказать что-то умное, а на деле демонстрирует лишь элементарную безграмотность. Остроумие так и брызжет в следующих словах: «Слава стоял на мосту и глядел вниз. Ладони мокро резал шершавый чугун. Невозможным казалось напиться зимним воздухом, но сладким был каждый надрез вдоха» (с. 147). Чугун, который «мокро резал» зимой (!) ладонь ничуть не хуже «зубастых голубей» графа Хвостова. А «сладкий надрез вдоха» вообще не имеет аналогов в отечественной литературе. Впрочем, как и «черно-фонарная бездна» (с. 143), «отворот профиля» (с. 143), «по-боксерски робкая улыбка» (с. 144), «лазейка сантиментов» (с. 148).

Особый колорит придает пародии вымученный сюжет. Общение молодых людей состоит в том, что Рая читает Славе глубокомысленные лекции по философии. Никаких объятий, поцелуев, никакой декламации стихов и прочей сентиментальной лабуды. Он, разумеется, влюбляется в юную лекторшу и делает ей предложение. Которое, она, увы, отклоняет. Причина более чем уважительна: оказывается, несколько лет назад она прошла «процедуру замещения». В результате этой процедуры «её сознание раскинуто сетью над всем Земным шаром, а не локализовано в голове с милой розовой косичкой»

(с. 147). Во как! Читателю остается только озадаченно почесать в затылке и восхититься литературным мастерством пародиста.

В разделе поэзии помещены стихи кандидата философских наук А. Машучкова, К.Ю. Фролова-Крымского, неоднократно нами упомянутого О.А. Габриеляна, И.Д. Гуревича, доктора философских наук, профессора А.М. Орехова, Т.Б. Сеницына, доктора философских наук, профессора В.П. Майковой, Е.Н. Коробкиной, Е.П. Шеховцовой.

Все эти стихи, разные по стилю, интонации, используемым художественным приемам, посвящены теме Родины и всему, что с ней связано.

О.А. Габриелян с негодованием пишет о том, что укронацисты предали поруганию все то, что дорого и свято истинным патриотам.

«Вспомни Красное знамя –
Там в старушских руках.
И ту веру, что пламя –
Горит на ветрах.
Нам обидно за знамя,
Что втоптанно в грязь.
Над старушкой глумилась
Безнаказная мразь» (с. 154).

И.Д. Гуревич яростно клеймит Европу за предательство собственных гуманистических идеалов, за моральную деградацию и одичание.

Я прощал тебя, сволочь, истерзанным сердцем любя
Твоих Дюреров, Бахов, Стендалей, Флоберов, Гюго,
Мопассанов и Гейне, твоё Возрождение, моду.
Я тобой восхищался, стесняясь себя самого
За медвежью породу (с. 155).

Неизгладимое впечатление на читателей производит стихотворение К.Ю. Фролова-Крымского «Мы русские». В нем он прославляет нашу страну за то, что она давала простор для самореализации людям независимо от их этнической принадлежности. Упомянут, конечно, «потомок эфиопов» Пушкин, прибалтийские немцы Беллинсгаузен и Крузенштерн, шотландцы Грейг, Барклай де Толли, Георг (Джордж) Лермонт, грузин П.И. Багратион, немец В.И. Даль. Правда, автор не уточняет, кого именно из славного семейства Грегов он имеет в виду: отца или сына. Несколько удивительно в этом ряду упоминание Лермонта. Если бы не его знаменитый потомок Михаил Лермонтов, имя скромного офицера российской армии, поступившего на службу к царю Михаилу Федоровичу, было бы предано забвению.

Но это все, так сказать, мелкие замечания. В этом стихотворении имеется строфа, которую редактор обязан был вычеркнуть. В ней в положительном контексте упоминается

«потомок турка адмирал Колчак». Если бы автору нужно было упомянуть имя какого-нибудь знаменитого русского исследователя Арктики, то наилучший выбор – Отто Юльевич Шмидт, немец по отцу, латыш по матери. Колчак внес определенный вклад в науку, но его заслуги на фоне достижений О.Ю. Шмидта меркнут. Но не это главное. Колчак покрыл свое имя несмываемым позором, ввязавшись в политику. Он добровольно согласился на роль марионетки англичан, этих заклятых врагов России. Колчак установил в Сибири свирепую диктатуру, на его руках – кровь сотен тысяч жертв развязанного им террора. Покопив очередное село или город, колчаковцы первым делом вешали советских активистов, а вторым – подвергали порке все оставшееся мужское население. В моем родном городе Чусовом (Пермский край) имеется две братские могилы, где покоится прах жертв колчаковского террора. В своем пионерском детстве я участвовал в возложении цветов на эти могилы. И такое забыть? И это простить? Ю.К. Фролов-Крымский допустил политическую бестактность, за что заслуживает решительного осуждения. Надеюсь, эта бестактность будет устранена в следующих изданиях отличного (слов нет) стихотворения.

Хотелось бы обратить внимание читателей на то, что название альманаха не вполне обычно, ибо в конце поставлено многоточие. Этот знак препинания намекает на незавершенность темы, идеи, сюжета, на то, что обсуждение будет продолжено. Тем самым творцы альманаха дают нам понять, что он – лишь дебют, начало большого разговора. Тема русского мира неисчерпаема, т.к. в ней в один узел сплетены вопросы политики, экономики, идеологии, культуры. Желательно рассматривать ее не только путем погружения в глубины «неисследимой плеромы» и мистического созерцания прочих не осязаемых чувствами сущностей, но и с помощью научных категорий, коими оперирует философия, политэкономия, социология, этнология и т.п. Так поздравим же авторов с очевидным успехом и пожелаем им достойного продолжения начатого ими важного, нужного и полезного для созидания новой России дела.

*Лившиц Р. Л.
(доктор философских наук, профессор
независимый исследователь)*